

МАРИНА СЕРОВА

Все учесть
НЕВОЗМОЖНО

Серия

"Честный детектив Тетяны Ивановой"

Марина С. Серова
Все учесть невозможно
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167194
Все учесть невозможно: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-34144-3*

Аннотация

Шустрый политик господин Халивин всегда успешно действовал по принципу: цель оправдывает средства. Вот и сейчас, когда у него украли дискету с компроматом на него, любимого, он не придумал ничего лучше, как похитить частного детектива Татьяну Иванову и заставить ее найти опасную вещь. Что ж, случается работать и в таких условиях. Знаменитая сыщица испытывает дополнительные трудности из-за тяжелой психологической атмосферы, окружающей клиента. Но так или иначе результаты расследования стоили того риска, который выпал на ее долю...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Марина Серова

Все учесть невозможно

Глава 1

– Ага. Я поняла. Значит, вы хотите, чтобы я отправилась в неизвестном направлении на поиски того, о чем вы не желаете мне сказать. Мило...

Я поднялась. Вернее, сделала попытку подняться, но на мое хрупкое плечо опустилась такая длань – да не длань, что вы! Десница какая-то карающая.

Я оглянулась. Надо же, такое замечательное лицо! Никакого вам выражения. Стоит, родной. Даже не улыбается. И почему у наших «охранничков» такие физиономии? Они что, анаши обкуриваются перед тем, как начать свой спектакль?

Зато Халивин улыбался. Лучше бы он этого не делал, ей-богу. От его улыбки мороз по коже пробирал куда сильнее, чем от стеклянных глаз его телохранителя. Если вас по ночам тянет бродить по кладбищам, где иногда вам выпадает удача и из гроба навстречу дорогому гостю вылезает призрак или вампир, то вы понимаете, какая у Халивина милая улыбочка. У Дракулы, я думаю, она куда симпатичнее.

«Ох, Таня, что ты тут делаешь? – вздохнула я. – Сидела

бы лучше дома, и...» Додумать эту светлую мысль мне не дало чувство справедливости. Находилась я здесь не по своей воле. Встречаться с такой личностью, как Халивин, никто по своей воле не ходил. Меня нанимали на работу. Силой. Халивин – он не дурак. Он же знает, что работать на него никто сам не побежит, разве что камикадзе. Вот ему и пришлось немного поднапрячься, чтобы Татьяна Иванова попала в его распоряжение. Сделано все было гадко. Таня спокойно и мирно шла из магазина – редкостный случай, скажу я вам! Если выберусь из этой заварухи живой, в магазин больше ходить не буду. Никогда. Найму какую-нибудь женщину, пусть она рискует жизнью вместо меня!

* * *

Вся история началась с кетчупа. Боюсь, что и бедняга кетчуп станет для меня теперь навеки запретным! Итак, я обнаружила в собственном холодильнике полное его отсутствие, и нет чтобы смириться с этим фактом и попробовать обойтись без кетчупа! Куда там! Таня упрямая личность. Сначала меня пыталась победить благоразумная лень. Она меня увещевала, внушала мне благую мысль, что некоторые люди кетчуп терпеть не могут, прекрасно обходятся без него, и жизнь их нельзя назвать пустой, нет, они вполне счастливы.

Но я уперлась как баран. Хочу кетчупа, и все тут! На улице тепло, можно выйти и в том, что на мне надето. Надето

на мне было мало – только джинсовые шорты и фривольная майка, но я рассудила, что до магазинчика смогу добраться и так, не успев абсолютно никого соблазнить.

Я вышла, даже не взяв с собой сумку. Не говорю уж о сигаретах – какие, к черту, сигареты, когда всего и дел, что пройтись до ближайшего магазина? Ну теперь, после этого случая, я буду умнее. Отправляясь за хлебом, соберу чемодан вещей. И автомат в придачу. А еще лучше – пулеметик.

Итак, глупейшая особа по имени Татьяна Иванова, которой для полного счастья не хватало только кетчупа, выплыла на яркое майское солнце, радостно улыбаясь, и, поздоровавшись с соседкой по лестнице, ковыляющей ей навстречу, собралась уже идти дальше, как соседка попросила ей помочь. Таня – девушка добросердечная, она любезно согласилась, дотащила ее сумку и саму соседку обратно и, напевая, вернулась на улицу. Двух амбалов она вначале не заметила, так же как стоящую невдалеке милицейскую машину. А уж связи между ними она тем более никакой не нашла. Солнце светило, травка зеленела, ласточка с приветом летела к Тане в гости, и настроение у Тани было замечательное. Посему пристальный интерес к своей персоне означенных квадратных типов я справедливо отнесла к восхищению моей ослепительной внешностью, несколько не сомневаясь в том, что я достойна этого восхищения.

В магазине я поругалась с вредной продавщицей, которая полчаса где-то моталась, игнорируя мое терпеливое стояние

перед прилавком с протянутой десяткой – ну, конечно! Если бы я решила купить ящик кетчупа, тогда другое дело! А с бутылки навар небольшой... Продавщица на мою десятку смотрела пренебрежительно, и, когда я робко поинтересовалась, не будет ли она так любезна уделить мне одно мгновение своего драгоценного внимания, она сначала застыла, словно Колосс Родосский, затем медленно повернулась ко мне и смерила меня с ног до головы таким взглядом, что я поняла – лучше отказаться от дальнейшего общения с ней. Лучше сразу пойти домой и перестать навязываться в знакомые к этой милой даме.

Впрочем, в конце концов она швырнула мне вожаделенный кетчуп, забрала десятку и враждебно выпалила:

– Оделась бы, бессовестная...

– Как это? – удивилась я. На мой-то наивный взгляд, я была вполне одета.

– Нечего по улицам в джинсовых трусах разгуливать! – фыркнула приличная до безобразия продавщица и, всем своим видом демонстрируя презрение, удалилась.

Я вздохнула и вышла из магазина. Настроение у меня было безнадежно испорчено, и я шла, уже окончательно погрузившись в себя и собственные мысли, не обращая внимания на окружающих.

В этот момент мой локоть почувствовал прикосновение чьей-то противной влажной ладони, я инстинктивно постаралась освободиться. Но хватка была цепкой.

– Пустите! – потребовала я и обернулась, дабы смерить наглеца самым пронзительным из моих взглядов.

«Мент, – подумала я, когда его увидела. – Не иначе как полиция нравов, и меня потащат в участок за ношение „джинсовых трусов“.»

Мимо прошла девица с кривыми ногами, одетая в точно такие же «трусы», и никого она не интересовала. «Видимо, здесь принято обнажать только кривые ноги, или толстые, – с горечью подумала я. – Нечего прельщать стройными. Людям же обидно».

– Ваши документы, – сурово потребовал мент. Я окинула его взглядом и попробовала объяснить, что документов я с собой не взяла. Я вообще-то вышла за кетчупом – тут я продемонстрировала покупку – и не знала, что это преследуется по закону. Вот когда я соберусь грабить банк – тогда непременно прихватю с собой документы. А так...

Он продолжал рассматривать небеса, явно не собираясь выслушивать мои объяснения. На мгновение мне пришла в голову мысль, что подлая тетка-продавщица просто вызвала его, наврав, что я украла треклятый кетчуп. От этой ужасной догадки я похолодела.

– Пройдемте, – изрек страж порядка.

– Куда? – с надеждой спросила я. – Домой? Я покажу вам свои документы... Меня зовут Татьяна Иванова, я живу вон в том доме, и меня там знает каждая собака.

– Собак спрашивать не будем, – постановил он. – А насчет

Ивановой... Все вы Ивановы да Петровы.

– Кто «все»? – не поняла я. – Вы меня что, за чеченскую террористку принимаете?

Он сверкнул глазами. О боже!

– Вы посмотрите на меня, – терпеливо попросила я, пытаюсь погасить начинающуюся панику, – я что, похожа на чеченку?

– Пройдемте со мной! – упрямо повторил он.

«Ну, давай пройдем, – решила я. – А там выясним, кто есть кто в нашем пространстве... Я же тебя, козел, так опу-
щу, что рад не будешь...»

Вокруг нас начала собираться публика, с любопытством наблюдающая сцену: «Таня Иванова – террористка». Или лучше – «Арест подпольщицы». Массовка моему новому знакомому была не нужна, он встревожился и потащил меня в машину.

С кетчупом в руках. С ним я почему-то не расставалась. Вцепилась, как в соломинку утопающий.

Оказавшись в машине, я успокоилась. Сейчас приедем в участок, я позвоню Андрюше Мельникову, он приедет и делает из них отбивную. Все будет о'кей, мой ангел... Потерпи, все это – только временные трудности.

Краем глаза я успела заметить, что машина, около которой паслись два квадратных молодых человека, дернулась с места вместе с нашей.

Но и тогда я не придавала этому значения. Вот что значит

терять бдительность! Оказывается, ее нельзя терять никогда. Даже если тебе захотелось пройтись за кетчупом.

* * *

В этом паршивом милицейском притоне на колесах отвратительно воняло адской смесью дорогих духов и пота. Я сидела, плотно сжав губы и прижав к груди проклятый кетчуп, и все происходящее со мной казалось мне плохим сном. Сейчас я проснусь – и вся эта смурь закончится. «Ага! – ехидно проронила Вторая Таня, иногда пытающаяся образумить меня. – Сейчас! Все кончится, и дети пойдут по домам. Как же, жди... Лучше вспомни, на чей хвост ты имела неосторожность наступить».

«Да вспоминать замучаешься, до старости времени не хватит, – не без удовольствия подумала я. – Это мое хобби – наступать кому-нибудь на хвост».

– Вот и сиди теперь в этом вонизме, – мрачно произнесла я вслух, и мой похититель дернулся на водительском месте. Осторожно повернувшись в мою сторону, он оглядел меня так подозрительно, что я почти поверила в свое сходство с чеченской террористкой. Вот выхвачу бомбу и такое устрою этой красной лысине, что мало не покажется...

Мы все ехали и ехали, мне показалось, что мы уже начали путешествие во времени или меня решили вывезти за границу, чтобы продать в гарем турецкому султану. В гарем мне

вовсе не хотелось – не люблю я турков, к тому же отвратительная вонь уже начала впитываться в мою кожу, и я с ужасом представила, что теперь мне придется провести как минимум пять часов в ванной. В том, что это приключение кончится, как только мы приедем в участок и я позвоню Мельникову, я пока еще верила. Хотя, если честно...

Если честно, то до чего же этот участок отдаленный! Поэтому я справедливо решила, что скорее всего меня все-таки собираются убить. А если амбалу, который косит под мента, это пришло в голову, то, судя по тупой целеустремленности его взгляда, от подобной идеи он откажется не сразу.

«Ох, и дура же ты, Таня! – горестно вздохнула я. – Таковую дуру поискать – не найдешь. А ты – вот она. Нет, чтобы сразу этому лысому дегенерату каблуком залепить и рвать бегом по пересеченной местности. Ну что вы! Мы к родной милиции уважение проявляли. Вот и сиди теперь со своим уважением. Радуйся собственной благовоспитанности».

Машина остановилась, тряхнув меня напоследок с такой стервозностью, что я стукнулась затылком о стенку.

– Блин! – выругалась я. – Не дрова везете, между прочим.

Квадратный тип не удостоил меня ответом. Просто открыл дверь, и я оказалась в крепких, сильных и не терпящих возражения мужских руках.

Конечно, я попыталась вырваться. Я не люблю, когда меня обнимают в тот момент, когда я чем-то озабочена. Но – увы! Новый дружок явно не собирался меня выпускать. Я подняла лицо и увидела такие глазки, что поняла: все, что со мной происходило доселе, – забавный казус. Вот этот мальчуган шутить не любит. Встречаются такие особи – у них на чисто отсутствует чувство юмора. Поэтому шутить с ними и не стоит – могут обидеться.

Глазки были маленькие, как дырочки от пули. А вот улыбка была: во весь рот. Зубов там не хватало – причем передних, и при всем этом мой визави был одет так роскошно, что все его тряпки были куплены явно не на дешевой распродаже.

– Все? – спросил мент, наблюдающий за моими попытками вырваться не без снисходительного удовлетворения.

– Свободен, – коротко бросил ему денди.

Меня пересадили в другую машину. Там уже было двое – тех самых. Которые торчали возле моего дома, как верные стражи. И машина была та же.

Я не успела вздохнуть, как мне на глаза напялили повязку – отчего я подумала, что меня, наверное, все-таки оставят в живых. Надежда показалась мне призрачной, но...

Еще радовало, что в этой машине не пахло. Поскольку я

уже чувствовала приступы тошноты.

– Куда вы меня везете? – поинтересовалась я, с удивлением обнаружив, что все еще прижимаю к груди кетчуп. Надо же, какой живучий! Может, стоит сделать его своим талисманом?

– Узнаешь на месте... – сурово пробасил низкий голос. Я попробовала разглядеть из-под повязки, кто это со мной так неласково разговаривает, но видимость была такая же, как, наверное, бывает в гробу.

– Да не волнуйтесь, Танюша, – мягко произнес второй голос, – все у вас будет нормально. С вами просто хотят поговорить.

Ой, мамочки! Надо же... Схватят тебя, обвинят в терроризме. Опозорят, можно сказать. Впрочем, ладно опозорят. Потом доведут до шокового состояния. И пожалуйста – не волнуйтесь, Танюша! Не заплакать ли от благодарности?

– Представьте себе, я спокойна, – сообщила я, почти не погрешив против истины. – Просто я умираю от любопытства. Кто мог захотеть пообщаться со мной до такой степени, что, потеряв рассудок, решил заняться киднеппингом?

– О чем вы? – хмуро спросил один из сопровождающих. Кажется, он плохо подготовился к встрече, отметила я не без злорадства. Не успел слова некоторые выучить...

– О похищении, – отдельно и четко произнесла я. – Ведь вы не станете отрицать, что вы меня похитили.

– Стану, – ухмыльнулась поганая физиономия, – и не

только стану это отрицать, но и попытаюсь доказать вам, что наша дружеская беседа всего лишь прелюдия к будущей дружеской встрече.

На слове «дружеская» он сделал такой зловещий упор, ухмыляясь нездоровой садистской усмешкой, что настроение у меня окончательно испортилось. Положение спасал только мой кетчуп, который служил своеобразной ниточкой, связующей меня с моим светлым, радостным и беззаботным прошлым. В будущее мне совершенно не хотелось. Похоже, что тот проклятый кирпич, который так долго ожидал своего часа, вися над моей головой, решил наконец-то обрушиться. И если верить Воланду, который утверждал, что кирпичи сами по себе не падают, мне предстояло встретиться именно с тем человеком, который эту гадость старательно приспособил и теперь... Ох, Таня! Хватит... От твоих рассуждений на темы бренности человеческого бытия становится только печальнее...

И к тому же, если честно, я всегда надеюсь отпрыгнуть от летящего вниз дара небес. У меня не самая плохая реакция на свете...

Я повертела головой, пытаюсь снять черную повязку.

– Чего тебе? – раздался над моим ухом гнусавый голос.

– У меня, между прочим, от темноты болят глаза, – произнесла я.

– Сейчас приедем, успокойся...

Успокаивал он явно угрожающе. Судя по всему, друже-

ская беседа тяготила моих сопровождающих. А меня тяготило путешествие, которое длилось уже слишком много времени, чтобы еще оставались иллюзии, будто я быстро выберусь из этой заварушки.

– Похоже, мне придется немного задержаться в ваших краях, – пробормотала я сквозь зубы.

– Чего? – по запаху перегара я догадалась, что ко мне наклонились слишком близко. Ближе, чем мне бы того хотелось. Но, увы, в этой компании явно были настроены весьма решительно делать все вразрез с моими желаниями.

– Ничего, – отмахнулась я, поморщившись. – Похоже, вы любитель закусывать водочку чесноком?

Раздался смешок. Тип что-то пробормотал, явно обещая мне много лишних удобств в будущей жизни, но второй, тот, который старательно косил под интеллигента, одернул его:

– Прекрати.

И, уже обращаясь ко мне, успокаивающе протянул:

– Осталось совсем недолго, Танечка. Не переживайте.

«Как ты мне надоел со своей сердобольностью, – хотелось сказать мне. – Я бы с радостью врезала тебе пару раз, но сейчас, увы, обстоятельства складываются не в мою пользу. Ничего, родной. Я дождусь своего светлого часа. И тогда мы посмотрим, кто кого станет успокаивать».

Обдумывание моего плачевного положения и того, как бы мне все-таки выбраться из этой гадкой ситуации, заняло мой мозг на оставшуюся часть времени поездки так сильно, что

я почти не заметила, как это самое время прошло.

Машина фыркнула и крякнула. Стукнула дверь. Меня вывели под белые ручки из машины, и я почувствовала, как с меня снимают повязку. Наконец она упала, и я зажмурилась от слишком яркого света.

– Вот мы и приехали, – сообщил мне «интеллигент», пытаясь выглядеть приличным человеком.

– Вижу, – хладнокровно ответила я, разглядывая стоящий передо мной уродливый гибрид военного самолета и бункера. – Хотелось бы еще знать куда?

Глава 2

Гулкие шаги отдавались в глубине бункера. Честно говоря, мне здесь абсолютно не нравилось. Хотя – надо отдать должное дизайнеру, – оказавшись внутри, можно было забыть, что снаружи все это выглядело серым и пугающим. Стены были выложены красивой плиткой, а на потолках мерцали встроенные лампы дневного света, придавая лицам моих сопровождающих мертвенно-бледный оттенок. Если учесть, что морданции у них и до этого не рождали во мне восхищения, то теперь они напоминали людей, пролежавших в гробах как минимум неделю.

Мы остановились перед внушительной дверью с кучей замочков и глазочков. Дверь показалась мне неприветливой и озлобленной. «Вот и не верь после этого в учение про ауру, – вздохнула я. – Если мне неслыханно повезет и я выберусь отсюда живой, я в первый же вечер затарю ящик пива и так напьюсь, что...»

Додумать, как именно напьюсь, я не успела. Дверь сурово скрипнула и начала открываться.

Кабинет, представший моим очам, был весьма эклектичен. На стенах красовались портреты Ленина, Сталина и Гитлера. Не хватало только дяди Зю, усмехнулась я про себя, чувствуя начинающуюся дрожь в ногах. Мне уже не надо было смотреть на хозяина кабинета, чтобы с трех раз дога-

даться, кто мой похититель.

– Ну ты и влипла! – процедила я себе сквозь зубы, поднимая глаза, чтобы встретить улыбку, от которой затошнило куда сильнее, чем от запахов в милицейском «козлике».

– Здравствуйте, Таня, – пробасил мой похититель, пытаюсь извлечь свое грузное тело из тисков слишком маленького для его объемного зада кресла.

Вот так я попала в гости к Халивину.

* * *

Халивин относился как раз к тем личностям, которых я избегала. Потому что не очень люблю этот тип людей. Даже если бы он был лидером самой мирной партии в мире, убежденным пацифистом и человеколюбом, я бы все равно не стала напрашиваться на аудиенцию. Но, увы, назвать его пацифистом мог бы только полный дебил.

Раньше Халивин был верным сыном коммунистов, но потом что-то произошло – то ли у «соколенка» выросли собственные крылья, и он решил полетать в просторах необъятной родины в поисках добычи, то ли просто сказала его любовь к сильной руке, которой он посчитал как раз свою собственную длань с короткими толстыми пальчиками. Так появилась в нашей чересчур демократической стране Партия трудового народа, ПТН. С Геннадием Халивиным во главе.

Его заунывным плачам о судьбе голодающего русского на-

рода вняли многие. И начали отчислять денежки со своих скромных пенсий на вспомоществование «спасителю»! Ни у кого не появилось мысли, что, судя по излишнему весу, их «спаситель» скорее нуждается в диете, нет – даже этот факт стал доказательством его верной службы интересам народа. «Толстый какой, – лепетала одна бабулька на площади, где как-то раз проходил митинг, – больной, бедняга... А сил для нас не жалеет...»

Теперь эта светлая личность сидела передо мной, и я не ждала от ближайшего будущего ничего хорошего. Если судьбе захотелось сегодня выступить передо мной в лице Халивина – спаси меня господи от такой судьбы!

* * *

– Простите меня, что пришлось воспользоваться такими методами, – постарался обаятельно улыбнуться Халивин, бурявя меня глазками.

– Ничего, – улыбнулась я, – вы меня не удивили. Это ведь ваши обычные методы...

Он нахмурился. Тяжелый взгляд из-под кустистых бровей намекнул мне, что я не очень вежливая девочка. Ну, уж какая получилась, усмехнулась я, с невинным выражением встречая этот взгляд.

– Как вы ошибаетесь, Танечка, – сокрушенно покачал он головой. – Конечно, милая моя девочка, вы являетесь жерт-

вой пропаганды. Именно поэтому нам и пришлось так поступить. Вы бы никогда не пошли на контакт со мной добровольно, разве я не прав?

– Правы, – кивнула я.

– Вот видите, – почему-то обрадовался он. – А виной тому проклятые газетчики, которые рисуют нас дикими зверями...

– Зверьми, – поправила я механически.

– А? – остановился он. Кажется, я помешала ему исполнить замечательный номер под названием «Речь вождя».

– Ничего, это я так. Выступила не по делу. Продолжайте.

– Так вот, нам приходится прибегать к подобным вещам, потому что...

– Проклятые газетчики рисуют вас зверьми, – повторила я, безмятежно улыбаясь. – Я это поняла. Надо думать, если нам крупно не повезет и вы станете самодержцем, вы их почикаете. Так?

Я выставила палец и, словно расшалившееся дитя, выкрикнула:

– Пиф-паф, ой-ой-ой!

– Кажется, вы забываетесь. – Мой собеседник вытер с грозного лба капельки пота.

– Я? – округлила я глаза. – Помилуйте... Я же не хватала вас на выходе из магазина и не тащила на глазах у всех по улицам... Кто из нас, собственно, забывается?

– Я уже попросил у вас прощения, – обиженно сопя, про-

бурчал Халивин. – Иначе вы бы не согласились общаться со мной.

– А вы так этого хотели? – рассмеялась я. – Интересно, вы поступаете так со всеми, кого находите достойным разделить ваше одиночество в бункере? Кстати, вы с его помощью уже подготовились к воздушным налетам НАТО? И сколько денег вы угрохали на это сооружение?

– Не ваше дело! – вскрикнул он тоненьким и жалобным голоском. – Впрочем, извините. Я хотел попросить вашей помощи, но чувствую, что дружелюбного диалога у нас не получается. Вы почему-то негативно настроены по отношению ко мне.

– Ну уж простите. Не каждый способен радоваться, когда его похищают. Я, конечно, девушка романтическая, но не настолько. Поэтому терпите...

Я закинула ногу на ногу и, небрежно покачивая носочком, спросила:

– Сколько времени я должна отработать у вас в качестве собеседницы?

– Да вы не такая уж приятная собеседница, если хотите знать, – поморщился он.

– Вы тоже не очень. Но надобность у вас возникла почему-то именно во мне. Что касается меня, то я совершенно не нуждаюсь в вашем обществе.

Голос рассудка взмолился: «Танька! Уймись. Что ты делаешь? Сидишь в логове этого бора и дразнишь его. Ты хотя

бы знаешь, на что он способен?»

Если честно, мой рассудок был прав. Кажется, я перегибаю палку. Судя по выражению халивинских глазок, меня поставят к стенке чуть раньше подлюг-журналистов. Но, однажды закусив удила, моя вольная душенька уже не могла остановиться. Мне нравилось дразнить его. Хотя бы потому, что, как мне кажется, я была первой, кто смеялся ему в лицо. Это грело мое самолюбие. И потом – к стенке он меня поставит не сейчас. Сейчас я ему зачем-то ужасно нужна. А потом... Потом я что-нибудь придумаю.

– Ладно, – сделала я вид, что признаю себя побежденной, раскаиваюсь и так далее, – приступайте к изложению вашей надобности. Только давайте не будем выяснять различия в наших политических взглядах. Дела так дела. Но не более того.

Халивин согласился.

– Наконец-то вы начали рассуждать здраво, – поощрительно улыбнулся он. Возьми конфетку с полочки, детка. Ты стала сговорчивей и умнее.

Я промолчала. Пусть думает так, как ему нравится.

– Дело в том, что у меня украли одну вещь, – вздохнул он.

– Любимую коллекционную трубку? – съязвила я, не удержавшись. – Ту, из которой Иосиф Виссарионович выпускал колечки дыма в лицо Троцкому?

Нынешний вождь явно страдал от недостатка оптимизма. Во всяком случае, с чувством юмора у него было не очень.

Поэтому он нахмурился.

– Стыдно смеяться над святынями, – назидательно произнес он. – Ваше поколение, девочка, не имеет идеалов. В этом трагедия...

Он поцокал языком, показывая, как его огорчает факт отсутствия у меня идеалов.

У меня не было особого желания обсуждать с ним свои идеалы. Я промолчала.

– Вернемся к интересующей меня проблеме, – пробормотал Халивин. – Ваше ерничество начинает меня утомлять. Так вот, о вас рассказывают чудеса, Таня. Будто ваша интуиция помогает вам распутывать дела, которые не под силу остальным работникам милиции.

– Я не работник милиции, – честно призналась я. – Я представитель ненавистного вам частного сектора. Можно сказать, акула капитализма.

С этими словами я безмятежно улыбнулась.

Он пропустил мои слова мимо ушей и продолжал:

– У меня пропала очень важная вещица. Ее украли. И теперь, Танечка, мне нужна ваша помощь. Потому что, если эту самую вещицу не вернуть, никто нам с вами не поможет.

– Боже, – выдохнула я голосом, полным скорби, – что же у вас такое украли? Неужели чемоданчик с ядерной кнопкой? Неужели у вас был такой же, как, по слухам, имеется у президента?

– Нет, – отмахнулся он пренебрежительно, – украли вещь

куда более опасную и важную. С ее помощью могут погубить все, во что я вкладывал свои силы, энергию, душу, наконец...

Он совсем расстроился. Мне даже показалось, что в уголках глаз Халивина предательски блеснула слеза.

– Так, – кивнула я, – значит, вас ограбили. И что, простите, у вас экспроприировали? Должна же я иметь хоть какое-то представление о том, что мне следует отыскать.

Какое-то время он молчал.

– Пока я не могу вам этого сказать, – наконец печально проронил он.

– Ага. Я поняла, – сказала я. – Значит, вы хотите, чтобы я отправилась в неизвестном направлении на поиски того, о чем вы не желаете мне сказать. Мило...

Я сделала попытку подняться.

* * *

Обстоятельства сегодня явно складывались не в мою пользу. А раз так, надо все попытки к сопротивлению отложить до лучших времен. Оттого, что я сейчас устрою здесь небольшую драчку, мое положение не изменится к лучшему. Поэтому придется смириться с существующим порядком вещей.

Халивин посмотрел на меня насмешливо и ласково. Словно удав на кролика.

– Так что мы с вами решим, Танечка? – проворковал он.

Я опять оглянулась на цербера, помешавшего мне под-
няться. Красавчик продолжал смотреть прямо перед собой.
Его каменное лицо было начисто лишено не только мыслей,
но и эмоций. «Если его перенести на остров Пасхи, он станет
самым загадочным из тамошних истуканов», – подумала я.

– Кажется, вы уже все решили за меня, – проворчала я. –
Так что излагайте вашу проблему. Но не надейтесь на бес-
платное обслуживание. Я, как подобает акуле капитализма,
не собираюсь упускать своего. Учтите, что мой труд – весьма
дорогое удовольствие.

– Знаю, – ослабилась он, – не могу сказать, что считаю вас
эталоном порядочности, Таня. Но... Обстоятельства вынуж-
дают меня согласиться с вашими условиями. Двести долла-
ров в сутки, так?

– И скажите спасибо, что я пока не перешла на «евро», –
мрачно улыбнулась я.

– Спасибо, – наклонил он свою лысую башку. Вообще-то
он был удивительно похож на Горного Короля. А я, следова-
тельно, была в его пещере заложницей.

– У меня мало времени, – сообщила я. – Поэтому давайте
поскорее.

– Танечка, голубушка вы наша, да кто же вам сказал, что
мы вас задержим? Сейчас я все вам расскажу.

Он закурил. Кстати, если вы думаете, что он курил «При-
му» или «Беломор», вы ошибаетесь. «Ротманс». Вот такие

«капиталистические» привязанности. Нет чтобы поддерживать родную промышленность...

– Хотите? – предложил он мне сигарету. Мне очень хотелось курить, но гордость узника заставила меня отрицательно покачать головой. Он пожал плечами. Спрятал бело-голубую пачку в ящик стола и задумался.

– Эта вещица пропала из моей квартиры. Случилась напасть в тот вечер, когда у моей супруги был день рождения и на нем присутствовали родственники и близкие друзья. Вроде я раньше никого из них не мог подозревать в предательстве...

Про измену он произнес голосом, полным скорби. Такой глубокой, что казалось, его душа сейчас разорвется от осознания этого печального факта.

– Что за вещица? С родственниками и друзьями легче разбираться, когда знаешь, что они скоммуниздили.

– Сейчас.

Он взглядом приказал церберу покинуть помещение.

– Дискета, Таня. Такая вот малость. И когда вы ее найдете, постарайтесь не любопытствовать, что на ней записано. Очень постарайтесь...

Он смотрел на меня улыбаясь. Но его глаза оставались серьезными. И, черт бы его побрал, в них явно присутствовала угроза.

«Не садись на пенек, детка, не ешь пирожок. Дядя Гена придет и устроит тебе большой пионерский слет по всем пра-

вилам».

– Чтобы вам не было скучно, – опять растянул он губы в улыбке, – я решил предоставить вам помощницу. Нашу юристку.

Он нажал на кнопку, и дверь открылась. Цербер застыл по стойке «смирно», и в комнату вошла она.

У меня начала медленно отвисать челюсть. Не потому, что появившаяся на пороге фемина была очень уж нестандартной. Нет, наоборот, она была вполне стандартной. Даже красивой. Только мне почему-то стало нехорошо. Слишком холодные глаза скользнули по мне с таким равнодушным презрением, и слишком величественная улыбка слегка раздвинула ее губы.

Моя будущая помощница щелкнула каблучками и вытянулась на пороге, ожидая дальнейших распоряжений.

– Познакомьтесь – это Татьяна. Это Ирина. Надеюсь, девочки, что вы не будете ссориться.

Мы смирили друг друга взглядами и сдержанно кивнули. Особенной симпатии между нами не возникло.

– Теперь я предоставляю вас друг другу. Обсудите план действий и начинайте. Кстати, Танечка, не обессудьте, но Ирина теперь постоянно будет с вами. Для вашей безопасности.

Вот кошмар-то!

– Она что, будет жить в моей квартире? – поинтересовалась я.

– А кто вам сказал, что вы будете жить в вашей квартире? – добродушно расхохотался Халивин. – Нет, моя хорошая. На какое-то время вам придется воспользоваться нашим гостеприимством.

«Приехали», – подумала я, чувствуя, как все мои надежды на быстрое освобождение тают в воздухе. Спротивляться, судя по решительному виду моих тюремщиков, было абсолютно бесполезно.

– Я привыкла к повышенному комфорту, – сообщила я.

– Не беспокойтесь, такой комфорт будет вам предоставлен.

Я с тоской посмотрела на все еще зажатый в руке кетчуп. Сейчас я считала его причиной всех моих несчастий. «Проклятый, – подумала я, вертя его в руке. – Какую злую шутку сыграло со мной чревоугодие!»

Кажется, они решили, что я собираюсь швырнуть в них эту несчастную бутылку, потому что Ирина озабоченно взглянула на кетчуп, потом на своего партайгеноссе, и он зарзал в кресле.

Я не выдержала и рассмеялась. Ирина нахмурилась.

– Ну, ладно, – сказала я. – Так и быть. Я у вас побуду. Но совсем немного. И помните – я чрезвычайно капризна в своих желаниях.

С этими словами я поднялась. Гордо вскинув голову, пошла к выходу.

«Главное, Танька, не показывать им свой страх, – сказала

я себе. – И мы непременно выкрутимся. Вот увидишь».

* * *

Да уж... Умение вляпываться в истории у меня удивительное... Интересно, почему это я до сих пор ни разу еще не проваливалась в канализационный люк?

Мы все шли и шли по анфиладе коридоров, сменяющих друг друга. Моя молчаливая «помощница» явно не была настроена на доверительные разговоры. Я же рассматривала ее, поскольку мне было интересно понять, что же задвинуло ее в эту компанию. Конечно, своим каменным лицом она напоминала статую Афины Паллады, но в целом – девушка как девушка. Стройная. Со светлыми волосами. Костюм, правда, чересчур строгий. Я бы поменяла на джинсовый. Но – кому что нравится. «Может, у них мода такая», – вспомнила я слова героя «Ассы».

Наконец Ирина остановилась и картинным жестом благодетельницы распахнула передо мной дверь.

– Какая классная камера, – причмокнула я, – это у вас люкс?

Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

– Располагайтесь, – произнесла она тихим равнодушным голосом. И исчезла.

Но перед этим предусмотрительно закрыла дверь на ключ.

– Ну, Таня, мы одни, – сказала я себе, плюхаясь на кро-

вать, такую огромную, что становилось непонятно, зачем мне одной столько места. Или подлый Халивин тешит себя надеждой оказаться рядом?

Теперь можно было подумать, в какую грязную лужу мы вляпались и как нам отсюда выбираться. Но чем больше я думала, тем печальнее становилось на душе. Анализируя ситуацию, не всегда находишь выход. Пока я его не видела.

Пока я видела перед собой комфортабельную тюремную камеру, оснащенную по последнему слову импортной техники и меблированную в лучших «новорусских» традициях.

И от этого меня тошнило. Я закрыла глаза. «Ну, кавказская пленница, – спросила я себя, – что делать-то будем?»

Ждать, чего же еще? Ждать удобного момента, чтобы дать этой выдре в строгом костюме под дых и удрать. Не могу же я вести расследование отсюда! Я же не Ниро Вульф, черт бы их всех тут побрал...

Сама не помню, когда я заснула. Я просто начала проваливаться в черную яму. Как в трубу. Мимо меня пролетали бутылки с «Балтиморовским» кетчупом, и все они норовили упасть мне на голову.

Глава 3

Я проснулась от стука в дверь. «Господи, – подумала я, просыпаясь с головной болью, – почему они так ломятся ко мне? Дайте же мне поспать, черт бы вас побрал!»

Потом я услышала гулкие шаги, и кто-то громко произнес: – Ирина Анатольевна, дайте ключ, пожалуйста...

Ответ я не слышала. Я открыла глаза и подскочила. И где же это я нахожусь? Незнакомая комната. Голова болит, и эта боль отдается в глазных яблоках.

События вчерашнего дня встали перед моим внутренним взором, и я застонала. Ну конечно... С ненавистью посмотрела на роскошную мебель и на эту идиотскую запертую дверь.

Кстати, она начала медленно открываться. Сначала появился поднос, на котором были разложены свежие экзотические фрукты, потом нарисовалась фигура невысокого парня. Он бросил на меня взгляд исподлобья, равнодушно скользнув по моей фигуре. Впрочем, в области декольте его взгляд задержался, и он фыркнул, подобно рассерженному коню.

– Завтрак, – холодно проронил парень.

– Спасибо, – вежливо ответила я.

Он продолжал хмуро разглядывать меня. И не спешил уходить.

– Я не могу есть, когда на меня смотрят, – сказала я, чувствуя, как поднимается в моей душе злоба. Кто дал ему право стоять и пялиться на меня этими белесыми глазками?

– Потерпишь, – бросил коротышка, скрестив руки на груди.

Ну ладно, мстительно улыбнулась я. Я тебе устрою... Ведь тебя наверняка так не кормят.

Сначала я взяла персик. О, какой он был чудесный! Бархатистая поверхность ласкала подушечки пальцев. Я вдохнула аромат и прижала персик к щеке. Украдкой бросила взгляд на охранника и поняла, что мои ухищрения не пропали даром. Он отвернулся и явно сглотнул слюну.

Интересно, когда он уйдет? Я аппетитно вгрызлась в мякоть персика. Ну же, родной! Тебе давно пора исчезнуть. В принципе я ничего не имею против твоего присутствия, но оно сейчас слишком напоминает мне присутствие тюремщика. А я пока не в камере. Или...

– Я нахожусь под арестом? – поинтересовалась я.

– Нет, – отрезал он. По его взгляду, брошенному на меня, можно было легко понять, что сей достойный гражданин искренне сожалеет о том, что я все еще не в тюрьме.

Интересно, почему он меня так ненавидит? Я даже попыталась припомнить, не приходилось ли нам раньше встречаться.

Даже самые мучительные раздумья ни к чему не привели. Ну не видела я его раньше. Значит, просто классовая нена-

висть...

Он смотрел на меня так, что я чувствовала себя виноватой во всем. В том, что он не вышел ростом и лицом. В том, что я ем на его глазах этот персик с волшебным ароматом. Даже в том, что моя проклятая известность заставила его по приказу Халивина похитить меня. Вот его, беднягу, похитят разве что чеченские террористы, и то лишь по недомыслию.

В коридоре зазвучали каблучки Ирины, и очень скоро она появилась на пороге собственной персоной.

Она продолжала потрясать меня своим немногословием. Я улыбнулась ей, помня о том, что вежливой надо быть со всеми, включая врагов, и поздоровалась. Ирина ответила на мой «поток приветствий» довольно сухим кивком головы и коротко сообщила, что меня желает видеть господин Халивин.

– Отчего же он господин? – удивилась я. – Я думала, у вас в обиходе другие слова. Товарищ или камрад. Камрад Халивин желает видеть госпожу Иванову. Так будет лучше, вам не кажется?

Мое замечание было пропущено мимо ушей, только презрительная ухмылка тронула ее губы, когда я необдуманно назвала себя госпожой. По ее мнению, я явно не подходила под это определение.

– И что же имеет мне сообщить камрад Халивин? – поинтересовалась я у этой могильной тишины. Разумеется, мне ответили лишь легким пожатием плеч.

– Подождите, – властно показала я жестом в сторону двери, – сначала госпожа Иванова закончит завтрак.

Моя наглость ее почти не возмутила. Она коротко кивнула и все так же, не произнося ни звука, удалилась.

Мне хотелось швырнуть ей вслед поднос, но проклятый охранник продолжал подпирать стену, сверля меня взглядом, исполненным ненависти. Оставалось изображать на лице смирение и покорность судьбе. Слава богу, история и сама реальная жизнь научили меня, что от этих людей можно ожидать любых неприятностей.

* * *

Так, Татьяна, ты начинаешь злиться. В этом нет ничего хорошего. Разве ты не знаешь, что злость порождает излишек адреналина, а адреналин не может быть помощником в поисках выхода из затруднительной ситуации. В том же, что я попала в весьма затруднительную ситуацию, я не сомневалась. Люди меня окружали странные, почти экзотические. И, что самое интересное, несмотря на то, что никому из них я еще не успела учинить какую-нибудь пакость, они меня заранее невзлюбили! И ведь это при том, что они надеялись воспользоваться моими услугами...

Я отодвинула поднос и уселась по-турецки, подперев подбородок рукой. Мрачно осматривая большой палец ноги, пыталась сосредоточиться на проблеме, используя технику ки-

тайских монахов, и отчаянно ругала себя за то, что не захватила с собой свои магические кости.

– Вот, – мрачно сказала я своей второй «половине», – между прочим, ты просто обязана просчитывать наперед все возможные неприятности...

– Ну, откуда же я могла знать-то? – простонала Вторая Таня.

– Конечно, – рассмеялась я злобно, – ты вообще никогда ничего не знаешь. Тебе, простите, кирпич на голову падает, а ты узнаешь об этом в последнюю очередь. Раззява ты, а не детектив!

– А где ты была сама? – возмутилось мое второе «эго». – Если ты такая умная, то могла бы захватить не только кости, но и револьвер...

«Если я начну ссориться сама с собой, это ни к чему хорошему не приведет», – решила я и миролюбиво сказала:

– Не обижайся. Обе мы идиотки, каких еще поискать. Кстати, с револьвером нам бы точно не поздоровилось.

– И все равно его бы отобрали...

В какой-то момент задушевной беседы с самой собой я поймала на себе пристальный взгляд округлившихся глаз Ирины. Надо же, оказывается, я так увлеклась беседой, что не заметила ее возвращения... Подавив смех, я сокрушенно вздохнула:

– Знаете, это у меня наследственное. Нервы. Весной никак не могу справиться с приступами. Обострение... Вы, кстати,

когда-нибудь разговаривали с Ортега-и-Гассетом?

– С кем? – переспросила Ирина.

– С Ортега-и-Гассетом, – терпеливо повторила я.

– А кто это такие? – облизнув пересохшие губы, спросила Ирина.

Боже мой! Я закатила глаза. Какая непросвещенность!

– Мои товарищи по контрреволюционной деятельности, – прошептала я страшным голосом. – Ортега – шпион Антанты. А Гассет еще хуже.

Ирина поняла, что над ней издеваются, и опять замолчала. Лицо ее выражало при этом надежду, что она еще будет присутствовать на моей казни.

– Господин Халивин вас ждет, – пробурчала моя «помощница», исполненная праведного негодования и мучительно-го бессилия перед лицом моей беспредельной наглости.

– Не могу больше заставлять его мучиться, – отозвалась я, поднимаясь. – Мужчины всегда так переживают из-за собственного одиночества и отсутствия красивых женщин.

Я заложила руки за спину и пошла впереди «леди Швондер», насвистывая «Вихри враждебные».

– Не свистите! – прошипела она.

– Простите, я не знала, что вы верите в приметы, – сокрушенно произнесла я. – Тогда я буду петь. От пения ведь деньги не исчезают?

– Цирк! – фыркнула она.

Я не сдержала довольной улыбки. Мне удалось перебро-

свить свою злость на противника. А это значило наполовину ослабить его.

* * *

Халивин сидел, явно нервничая. Его толстые пальцы барабанили по столу.

– Танечка! – расплылся он в радостной улыбке. – Надеюсь, вы хорошо провели ночь?

– Да, прекрасно. Всю ночь мне снились вурдалаки, упыри, тени отцов Гамлета и Дзержинского, а уж когда мне приснились вы в обнаженном виде с лавровой ветвью в руке, я, вскрикнув от ужаса, проснулась. Сердце мое при этом билось, как пойманная в силки птица.

Ох, на какие монологи я способна! С ума сойти, как здорово получилось! Но зритель, сидящий передо мной, оказался далек от понимания изящного. Вместо аплодисментов на меня обрушилась тишина, усиленная неммым укором маленьких глаз.

– Ну, хорошо, – пробормотал он с таким видом, что я сразу поняла, не так уж ему и хорошо. И мой скромный литературный экзерсис его не порадовал. Ну и ладно. В конце концов, любой гений может сделать ссылку на некоторую невосприимчивость к высокой эстетике случайно попавшейся на его пути публики. Халивин продолжил: – Я тут решил, что расследовать отсюда вам будет неудобно.

Я немного напряглась. А вдруг он решит, что мне «удобнее будет расследовать» из Бутырки?

– Вы имеете в виду, что я смогу вернуться домой? – осторожно спросила я.

– Оттуда тоже, – мрачно сверкнул он на меня очами, – вокруг наши враги, Таня. Я думаю, что вам будет безопаснее в моей квартире.

Конечно, можно было возразить, что его враги вовсе не обязательно являются и моими. И поэтому вряд ли я им понадоблюсь. Но говорить с Халивиным было бесполезно. С таким же успехом я могла бы попробовать воздействовать на сознание фонарного столба.

– Вам все понятно?

Он смотрел на меня. Вернее, он смотрел в меня, пытаюсь проникнуть в мое сознание и переставить там все так, как его душеньке будет угодно. Меня сей факт совершенно не радовал. Более того, он меня до невыносимости раздражал.

– Вас это действительно интересует? – спросила я.

– Конечно.

– Мне ничего не понятно. Начнем с того, что я так и не поняла, что мне надо искать. Золото партии?

– Дискету.

– Да... Вы так многословны, что остается только удивляться, как я в вашем словесном потоке успеваю ухватить мысль... Господин Халивин, дискеты бывают разные. На вашей дискете есть хоть какие-то пометки? Или вам принести

все, которые мне встретятся?

– На моей дискете есть пометка «Секретные материалы», – признался он.

– Ах, вот как! – насмешливо протянула я. – Оказывается, вы и есть знаменитый Фокс Малдер. А эта ваша соратница действительно очень похожа на Скалли. Прелесть какая! И кого мы ловим?

– Таня!

Он немного наклонился вперед, грозя обрушить стол тяжестью своего торса.

– Я бы попросил вас относиться к моему делу серьезнее. От этого зависит...

– Судьба народа, – перебила я его. – Да что там народа. Судьба мира...

Халивин развел руками, жестом показывая, что мое легкомыслие является для него непобеждаемым кошмаром.

– Мы поговорим с вами обо всем позже. Сначала попробуйте все-таки прояснить ситуацию. Вам поможет моя жена. Я надеюсь, что она вспомнит всех, кто был в квартире в тот день, когда дискета исчезла. Теперь все?

– Нет, – проговорила я, пытаясь использовать еще один шанс вырваться.

– Что еще?

– Я не могу заниматься расследованием без своих магических костей.

– Вы заедете домой вместе с Ириной и заберете их, – кив-

нул он. – Хотя странно, Таня. Вы такая современная девушка...

– Я? Да что вы! – воскликнула я. – Моей истинной страстью является эпоха Нерона. Вот еще Диоклетиан был неплохой парнишка...

Про Нерона он слышал. А Диоклетиан вышиб у него из-под ног почву.

– Зря вы посмеиваетесь, Таня, – усмехнулся он. – Сами ведь знаете поговорку. Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

– Вы мне угрожаете? – обрадовалась я.

– Нет, что вы... Я вас предупреждаю.

Он нажал на кнопку селектора. В дверях возникла верная и немногословная Ирина.

– Отвезите ее ко мне, – приказал он. – Сначала заедете к ней домой, заберете вещи. Пусть переоденется, а то Люда испугается... Проследи, чтобы не подходила к телефону и не брала оружия. Все.

– Нет, – мрачно сообщила я, – не все. Где мой кетчуп?

Глава 4

Надеюсь, что мой вид не внушал моим спутникам приятных ощущений. Во всяком случае, я прилагала массу усилий, чтобы придать своему очаровательному личику самое мрачное из моих выражений. Прижав к груди бутылку с кетчупом, я всем своим видом старательно показывала, что эти «защитники трудового народа» мне отвратительны. Они не дождутся моего голоса на своих проклятых выборах, даже если... Впрочем, никаких «если» и быть не могло. Если они уже сейчас так вольничают с моими правами, то чего же, скажите, ждать от них дальше?

Ирина крутила ручку радиоприемника, чем ужасно удивила меня. Я и не подозревала, что она любит легкую музыку. Судя по ее физиономии, я скорее бы заподозрила ее в любви к духовому оркестру, исполняющему марши.

Она очень долго крутила эту проклятую ручку, пытаясь найти нечто, отвечающее ее эстетическим воззрениям. Но, как назло, радиостанции пока не подчинялись ее вкусам. И передавали музыку «проклятых капиталистов». Наконец она услышала родные напевы и удовлетворенно хмыкнула. «Этих не расстреляет», – догадалась я. Песня была мрачная, но Ирина радостно сверкала глазами, подпевая неизвестной мне певице: «У тебя СПИД, и, значит, мы умрем».

«Ну и ну, – подумала я, оглядывая ее с интересом. – Ни-

что человеческое, оказывается, нам не чуждо. Даже немного обидно. Я-то думала, что мне посчастливилось попасть на Олимп!»

На этот раз мне не завязали глаза, и я поняла, что бункер Халивина находится в глухом подполье, то бишь километрах в пятнадцати от города. Более того, Халивин умудрился найти довольно безлюдное место. Пейзаж вокруг был мрачным, будто сама природа старалась вести себя тише, чтобы, не дай бог, не нарушить покой «радетелей отечества». А может быть, природе просто было тоскливо находиться в их обществе. Примерно такое же состояние было и у меня. Мне от всего этого, честно говоря, хотелось зачехнуть или, напротив, превратившись в огромную тучу, пролиться дождем. С градом. Радиоактивным. Прямо на халивинскую лысину, когда он невзначай покинет бункер. Или испортить прическу Ирине? Я посмотрела на ее аккуратную, волосочек к волосочку, стрижечку и решила, что это тоже было бы неплохо. Картина, возникшая в моем воображении, радовала глаз. Ирина, намокшая, словно курица, смотрелась так восхитительно, что я не сдержалась от счастливого вздоха. На голову охранника Леши я бы предпочла упасть в виде бомбы или крылатой ракеты. Поскольку этот тип с крайне злобными глазами отчего-то меня раздражал. Я долго и честно пыталась найти оправдание его негативному отношению к совершенно незнакомому человеку, оказавшемуся в его обществе совсем не по своей милости, и не смогла. Поэтому мы

ему оставляем самую ужасную кончину. Таня-бомба падает ему на голову – и нету Леши! Будет знать, как вести себя с женщинами...

Я сидела, по-идиотски улыбаясь и продолжая прижимать к себе мой странный талисман. Сейчас я увижу Тарасов, успокаивала я себя. Там я подниму боевую тревогу и постараюсь удрать. Главное – туда попасть. Дома и стены помогают.

Мы въехали в город. Знаете, какое это дурацкое состояние – смотреть в окно автомобиля, видеть мирных горожан, шествующих мимо с сумками или просто болтающих друг с другом? В принципе, если бы я ехала на своем авто, у меня не было бы такого острого желания зарыдать от этих картин. Но сейчас я была вроде как арестована. И мой затылок напряженно сверлили Лешины глаза – а вы знаете, что это такое, когда ты по неизвестной тебе самому причине выбран на роль «классового врага»? При всем этом меня еще считают обязанной оказать им услугу. Найти то, не знаю что, не знаю где, и, что самое главное, – не знаю зачем.

«Ладно, Танька, – приказала я себе, – не расслабляйся. Вселенский плач, конечно, вещь полезная, но только когда он перерастает во Всемирный потоп. А у тебя вряд ли найдется столько слез, сколько их обнаружилось тогда у бога. Поэтому терпи и улыбайся. Тем более что от твоей улыбки у Леши начинается нервный тик».

Машина затормозила перед моим домом. Увидев его, я

была готова удрать сейчас, немедленно – с помощью своих излюбленных приемов. Обрушить на моих «сопровождающих» глубокие познания в сфере айкидо и рвануть прямо вверх по лестнице.

Наверное, я так бы и поступила. Если бы... Если бы Леша не достал небольшую ручку – из новых «чудес техники». После этого он задумчиво сообщил:

– Если ты, сука, рыпнешься – я проделаю вон в той малышке маленькую дырочку. Поняла?

Я посмотрела на девчущку, играющую в классики. Ее белые носочки мелькали, выписывая невообразимые фигуры. Из опыта общения с индивидами, подобными Леше, я знала, что они способны на такие «подвиги». Поэтому кивнула.

Мы вышли из машины. Девочка подняла глаза и приветливо улыбнулась.

– Здравствуйте, – прощебетала она, старательно справляясь с буквой «р». Получалось это смешно – похоже на рычание.

Я ответила ей улыбкой. Мои «сопровождающие» ограничились кивком. Рядом на лавке сидела соседка, которая отличалась тем, что знает все про всех.

– Таня, – сурово проронила она, – как можно так поступать – уехали, бросили квартиру? Никому ничего не сказали... А если что случится?

– Ничего не случится, – заверила я ее. Она подозрительно оглядела моих спутников, но из вежливости не стала спра-

шивать, кто они. И слава богу...

– Вы не знаете, меня не искал Андрей Мельников? – начала я робкие попытки передачи информации.

– Какой? – нахмурилась она.

– Такой высокий. Из УВД. Следователь. Наш отдел. Знаете?

Она наморщила лоб, честно пытаюсь вспомнить. Ох, пожалуйста! Ну, пусть у нее появится капелька сообразительности, господи!

Девочка немного приостановилась. Осмотрела нашу нетривиальную группу внимательным взглядом. Мне показалось, что она пытается запомнить все происходящее. Но это было отнесено мною на счет глюков. Перед тобой дитя, Таня. Если уж взрослая тетка не понимает...

– Ладно, – махнула я рукой. – Все равно он меня не найдет. Я некоторое время буду на даче у своих новых друзей. Если вдруг...

– Пошли, – услышала я за спиной шепот. Обернувшись, я встретилась глазами с Лешей. Он сверлил меня своим недобрым взглядом. Проклятая ручка сверкнула на солнце. Ее конец был направлен в голову ребенка.

– ПТН. Вас там не учат манерам?

Он не понял. И вообще никто не понял моих намеков.

Хотя... Девчонка явно шевельнула губами. Или мне только показалось?

Мы поднимались по ступенькам моего родного подъезда, и с каким же трудом давался мне этот подъем! В затылок дышал Леша. После сцены с его ручкой-самострелкой мне было нехорошо. К горлу подкатывала тошнота, и я чувствовала себя отвратительно. Ну, как бы еще чувствовал себя нормальный человек, по чьей вине мог погибнуть ребенок? Меня просто трясло, кружилась голова.

Мой охранник шел сзади меня, и я затылком чувствовала его улыбочку. Он был доволен собой. Как же, победил такую опасную диверсантку! Не дал убежать...

– Что я им сделала? – вырвалось у меня. Я обернулась, надеясь, что они не услышали мой возглас. Но – как бы не так! Леша самодовольно улыбался. Маленький Наполеончик.

Мы уже подошли к моей двери. Ключ долго не вставлялся – руки все еще дрожали.

– Надо меньше пить, – прошелестел за моей спиной Лешин голос.

– Какие у вас изящные остроты, – пробормотала я. – Чувствуется глубинный интеллект и оригинальность мышления.

– Молчать! – прикрикнул он.

И я не сдержалась.

Развернувшись, я смирила его с ног до головы презрительным взглядом и ответила:

– Послушай, детка. Я не знаю, чем я тебе так не нравлюсь, возможно, дело просто в особенностях твоего вкуса. Тебе нравятся женщины восточного типа, или наоборот – ты любишь пышногрудых пейзажников. Но попрошу раз и навсегда запомнить мои слова: я не заключенная. И разговаривать со мной подобным образом я тебе не позволю. Меня попросили помочь. Между прочим, эта просьба исходила от твоего босса. И, если я пожалуюсь на тебя, тыполнишь ряды безработных. Ты все усек, детка?

Он стоял, беззвучно шевеля губами, и я прекрасно понимала, что именно в этот момент наживаю себе лютого врага. И в то же время я испытывала некое чувство свободы. Я поставила этого типа на место – и отстояла свои права.

Ирина продолжала молчать, как будто происходящее ее не касалось. Странная особа. Лешу можно понять – вон он какой убогий и несчастный. Но Ирина производила впечатление девушки с достатком. Я подозревала, что ее доходы превышают мои. Что же заставило ее стать «солдатом удачи»? ПТН? Романтика в голове заиграла? Магия кожаных курток? Или она просто потомственная большевичка?

Дверь наконец-то поддавалась, и мы вошли в квартиру. Я задержалась на пороге, пытаюсь представить, что случится, если я сейчас...

– Без шуток, – раздался сухой голос Ирины. – Вы же сами говорили, что вас нанял наш босс. Проявляйте к нему уважение...

Она улыбалась. Я даже онемела от удивления. Она не только подпевает мрачным песням, она умеет еще и улыбаться! А я-то уже начала думать, что предо мной – ожившая статуя!

Насчет «уважения» к боссу мне очень хотелось возразить, но я сдержалась.

Моя собственная квартира была настроена ко мне недружелюбно. «Ну что за личности ты приволокла сюда?» – спрашивали меня стены. Я вздохнула. Ничего, потерпите. Мне с этими личностями еще возвращаться в их катакомбы.

Я прошла в комнату. Телефон манил меня, предлагая себя в союзники. Я обернулась. Они следовали за мной шаг в шаг. Ну что ж, не судьба...

К телефону подсел Леша. Даже не соизволив спросить у меня разрешения, начал набирать номер.

– Машка? – прогундосил он. – Как дела?

Ответ он выслушивал сначала спокойно, потом его брови сошлись на переносице. Кажется, что-то в общении с собеседницей его не устроило.

– Вернусь, поговорим! – бросил он и кинул трубку. По его взгляду можно было догадаться, что ничего хорошего этой Машке ожидать сегодня не следует. Ее вечер будет безнадежно испорченным. Скорее всего ей дадут в глаз из-за неправильно расставленных тапочек или разбросанных кассет с записями какой-нибудь «красной плесени». От чего еще там тащатся наши люмпены?

– Поторопитесь, Таня, у нас мало времени, – сухо промолвила Ирина.

«А у меня его как раз много», – хотела ответить я. Но дразнить гусей не стоило. Мешочек с магическими костями я увидела сразу. Он лежал на телевизоре, и, когда я взяла его в руки, мне стало чуточку спокойнее. Все-таки кости – талисман посильнее, чем кетчуп. Кстати, о кетчупе... Я искала его глазами. Совершенно забыла, куда я его поставила. Найдя его в коридоре, отнесла на кухню.

– Надеюсь, ты меня дождешься, – строго сказала я ему и пошла к выходу.

Если я задержусь еще немного, я начну выходить из себя, а мне так нужно было сохранять спокойствие...

* * *

Мы спустились вниз. Девочка по-прежнему прыгала по разлинованному мелом асфальту. Она посмотрела в нашу сторону и рассмеялась. Я бросила на Лешу опасливый взгляд – кто его знает, что у него на уме? Как в песенке Федора Чистякова – «просто я живу на улице Ленина, и меня зарубает время от времени». Куда его «зарубит»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.